

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДИАНА УДОВИЧЕНКО

ЭФФЕКТ
ИСКАЖЕНИЯ

Книги Дианы Удовиченко
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

ИСТОРИЯ БАСТАРДА. ИМПЕРСКИЙ ЯСТРЕБ
ИСТОРИЯ БАСТАРДА. ВРАГ ИМПЕРИИ
ИСТОРИЯ БАСТАРДА. ВЕРХОВНЫЙ МАГ ИМПЕРИИ
ИСТОРИЯ БАСТАРДА. РЕКВИЕМ ПО ИМПЕРИИ

ЭФФЕКТ ИСКАЖЕНИЯ

В соавторстве с Максимом Удовиченко
ЗЕРКАЛА СУДЬБЫ. ИЗГНАННИКИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДИАНА УДОВИЧЕНКО

ЭФФЕКТ ИСКАЖЕНИЯ

РОМАН

Москва, 2011
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

Благодарю за консультации: по биологии — писателя Галину Ли, по криминалистике — писателя Зинаиду Тагильцеву, по оружию — читателя Евгения Бондаря, по сыскным вопросам — читателя Сергея Михеева, по истории — читателя Александра Тишкова.

Отдельная благодарность моему редактору Виктору Еремину за бесценные советы и любимому писателю Екатерине Лесиной за уроки детективного мастерства и стилистики.

Также большое спасибо писателю Алине Илларионовой за дружескую поддержку и неослабевающий интерес к этой книге.

Автор

Из истории рода дела Торре

Милан, год 1180 от Рождества Христова

Подеста Милана граф Амедео делла Торре чувствовал, что умирает. Болезнь мучительно долго истязала его иссохшее тело, в котором уже не осталось ни сил, ни воли к жизни. Не помогали ни растирания настойкою аспидов, ни мессы об исцелении, ежечасно возносимые фра¹ Никколо, ни утренние кровопускания, назначенные придворным физиком² мессэре Чиприано Ротокко. Днем и ночью его светлость терзали боли в животе. Лишь иногда они затихали, и несчастный забывался беспокойным, поверхностным сном. Усиливаясь, боль заставляла графа извиваться на ложе и истошно кричать тонким прерывающимся голосом, из которого страдания изгнали все человеческое.

За окном цвела весна. Под свежим ветром шелестели каштаны в дворцовом парке, впитывая солнечные лучи, распускались цикламены, благоухали гиацинты, смеялись резвившиеся на лужайках дети и племянники Амедео. В покоях графа чадили свечи, царили духота, полумрак, витали запахи испражнений и нездорового тела — мессэре Чиприано

¹ Фра — обращение к священнослужителю (*ит.*).

² Физик — так в средневековой Европе называли врачей.

распорядился держать ставни наглухо закрытыми, дабы движение воздуха и солнечный свет не повредили больному. Прикрыв глаза, Амедео полулежал на груди подушек — таким образом врач, сторонник гуморальной медицины, добивался того, чтобы флегма¹ отливала от легких и сердца, не смешиваясь с остальными тремя соками организма. Страдальчески запрокинутое, осунувшееся лицо желтизною соперничало с камизой², пропитанной шафраном для убиения болезни. По предписанию физика прислуга каждое утро после кровопускания переодевала Амедео в свежую, смоченную драгоценным составом рубаху, избавляя таким образом от грязи и пота, вызванных недугом. Мессэре Чиприано настрого запретил смывать пот с тела графа, сказав: «Медицинская наука гласит, что вода расширяет поры, в которые может проникнуть новая болезнь».

Граф тихо постанывал — рези в животе немного отпустили. Вокруг суетились слуги, готовя Амедео к новому кровопусканию. Пришел толстый неопрятный цирюльник с хирургическим инструментом, молоденькая рабыня принесла серебряный — для очищения «грязной» крови больного — таз. Ждали мессэре Чиприано, физик задерживался у придворного астролога, с которым всегда согласовывал проведение лечения в зависимости от стояния небесных светил.

В дверь проскользнула старая дурочка Челестина, любимица графа, в лучшие дни частенько развлекавшая его своими глупыми выходками. Маленькая, сухонькая, вся какая-то неприметная, пробралась к кровати и встала в изголовье, обегая комнату острым взглядом хитрых черных глазок. При дворе Челестину не любили — слишком часто она с бессмысленным видом высказывала неприкрытую, неприятную правду. Детям и блаженным позволительно многое. Только слуги и рабы перешептывались о том, что никакая Челестина не дурочка и не шутиха и что она якобы доносит графу обо всем, что делается и говорится в его доме.

— Твоя светлость, а твоя светлость, — позвала старушка.

Амедео вздрогнул, приоткрыл затуманенные страданием глаза, еле слышно спросил:

¹ Ф л е г м а — согласно средневековой медицине, одна из жидкостей человеческого тела.

² К а м и з а — нижняя рубаха-туника.

— Чего тебе?

— Сказать хочу... — Челестина склонилась к уху господина и что-то горячо, быстро зашептала.

Граф приподнялся с подушек, хрипло выдохнул:

— Я понял... ступай... — и снова упал с искаженным от боли лицом.

Дурочка выбежала из покоев, удостоившись неодобрительного взгляда мессэре Чиприано, который неспешно шествовал к больному, держа свиток нового гороскопа. Повелительно кивнув цирюльнику, чтобы был наготове, врач обратился к Амедео:

— Начинаем, ваша светлость.

Так он говорил и вчера, и позавчера, и месяц назад, ни разу не получив ответа. Слова эти были лишь данью вежливости, и физик вздрогнул, когда потрескавшиеся губы графа вытолкнули:

— Не нужно... кровопускания...

— Но, ваша светлость...

В голосе Амедео зазвучали нотки былой властности:

— Все вон. Мессэре Чиприано, оставайтесь...

Перепуганные слуги покинули покои, оставив растерявшего важность лекаря наедине с высокородным пациентом. Физик сделал робкую попытку воззвать к благоразумию графа:

— Ваша светлость, но большая кровь...

— Молчите, — оборвал Амедео, — у меня мало времени. Я знаю, что сегодня умру.

— Этого не может знать никто, кроме Всевышнего! — воскликнул мессэре Чиприано.

— И он послал мне сон, — задумчиво проговорил граф. — Но я не о том... Скажите, мессэре, в чем вы видите причину моего недуга?

— В вашей желудке образовался избыток черной желчи. Распространяясь по телу, она отравляет кровь, делая ее черною, что вызывает воспаление во всем организме, — ответил врач. — Поэтому я вижу в кровопускании единственное средство от постигшей вас болезни.

— Оставьте свой ученый бред. Мне не интересны последствия. Я спросил о причине.

Мессэре Чиприано замаялся. И дело было не в том, что он не знал, откуда взялся странный недуг, поразивший графа.

Напротив, он был уверен, что понял его причину верно. Но как сказать об этом пациенту?

Амедео с трудом усмехнулся, прищурился тусклые от болезни карие глаза. Горбатый нос, который придворный поэт в своих виршах называл орлиным, казался непомерно огромным на исхудавшем лице.

— Меня отравили, верно?

Врач снова содрогнулся. Да, тысячу раз да! Он был убежден, что кто-то убивает несчастного графа. Но будь он проклят, если мог понять, каким образом яд попадает в желудок его пациента! Перед подачей на стол все блюда давали попробовать сначала кухонным рабам, затем собакам. Посуду, с которой ел граф и его семейство, проверяли надежные слуги, а в кубок, из которого пил его светлость, был вделан рог единорога, предохранявший вино от отравления. Отчаявшись, физик сам принялся следить за всеми работами на кухне. Тщетно: неведомый яд медленно, но верно убивал Амедео делла Торре.

— Значит, я прав, — тихо проговорил граф, внимательно наблюдавший за изменениями в лице лекаря. — Ступайте, мессэре, позовите ко мне фра Никколо.

Боль возвращалась, а с нею и невероятная слабость, сковывавшая тело, и осознание близости смерти. Следовало торопиться. Фра Никколо, высокий широкоплечий монах с округлым румяным лицом и чувственными губами тайного сластолюбца, облаченный в серую рясу из дорогого сукна, подошел к кровати, благословил умирающего.

— Я хочу исповедаться, святой отец, — прошептал граф и вдруг, не дав фра Никколо произнести положенную в таких случаях фразу, спросил: — Что произойдет с душой человека, не сумевшего перед смертью простить своих врагов?

— Все в руках Господа, сын мой, — монах озадаченно нахмурил густые брови, — но гнев — один из семи смертных грехов. Лишь Господь наш может решать, кому простится, а кому нет. Отказывая врагу в прощении, ты возносишь себя выше Господа, впадая в самый страшный грех — гордыню.

— Что же станется со мною за это?

— Грешник будет ввергнут в геенну огненную, где ему вечно гореть в адском пламени, — строго произнес священник.

— Геенна... — тихо рассмеялся больной. — Есть ли муки страшнее тех, что я испытываю сейчас? Я готов... — И, словно

не было этого странного разговора, повторил: — Я хочу исповедаться, святой отец.

Боль все крепче сжимала графа в безжалостных объятиях, не дав ему закончить покаяние в грехах. Во время соборования и елеосвящения он жалобно кричал, заглушая слова мессы. Наконец фра Никколо вышел из покоев.

Под дверью собралась вся семья делла Торре, узнавшая от лекаря о том, что умирающий потребовал священника.

— Можете проститься, — сурово произнес фра Никколо.

Тихо, гуськом они вошли в комнату и встали вокруг ложа страдальца. Младший брат графа Паоло, красивый крепкий мужчина тридцати пяти лет, его сыновья — похожий на отца пятнадцатилетний Паоло-Джачинто и тринадцатилетний весельчак Лучано. Супруга Паоло, мадонна Ортензия, хмурая полноватая женщина. Некрасивая и немолодая, в прошлом месяце отметившая свое тридцатилетие, она безмерно ревновала своего все еще полного мужской силы супруга к каждой хорошенькой служанке. Ревность и зависть к чужой юности прорезали глубокие складки вокруг рта, брюзгливо опустили уголки губ. Глаза навывкате делали мадонну Ортензию похожей на большую рыбу...

Чуть поодаль от остальных родственников стояла юная мадонна Анджелика — жена умирающего. Высокий выпуклый лоб, золотистые кудри, выбившиеся из-под светлого покрывала, широко раскрытые ореховые глаза, в которых дрожали беспомощные слезы, аккуратный носик, детски припухлые губы... мадонне Анджелике было восемнадцать лет. За юбку ярко-голубого платья цеплялись двое мальчиков — сыновья, близнецы Витторио и Алессандро, одинаковые как две виноградины с одной кисти. Господь не благословил первый брак Амедео детьми. Овдовев, граф выдержал положенный срок траура и женился на тринадцатилетней Анджелике из небогатого рода ди Грассио. Разница между супругами составляла четверть века. Амедео, без памяти любивший юную жену, молил Бога лишь об одном — о наследниках. Его мечта осуществилась вдвойне, и спустя год Анджелика подарила мужу близнецов.

Боль скручивала внутренности, мешала дышать. Граф слабо махнул рукою, подзывая жену. Та склонилась над умирающим, поцеловала горячие сухие губы. Сдерживая рыдания, подняла детей, чтобы Амедео смог проститься с ними.

— Ступай... Андже, — с трудом проговорил его светлость, не желая делать юную супругу свидетельницей своих мучений, а самое главное, того, что должно было произойти сейчас...

Схватив мальчиков за руки, плачущая мадонна Анжелика вышла. Как же плохо будет ей одной, с детьми, без мужа и отца, без опоры. Не успел, не защитил... все в руках Господа... Амедео хватал воздух, словно рыба, выброшенная на сушу. Словно рыба...

Следующими к смертному одру подошли племянники, затем мадонна Ортензия. И их больной выпроводил прочь. Когда над постелью склонился Паоло, боль стала невыносимой. Будто зверь, рвущийся на свободу, она когтила внутренности, раздирала их, наполняя рот кровью. И Амедео уступил ей. Издал жалобный крик, выплюнув на грудь кровавый сгусток, содрогнулся в последней агонии и замер с широко распахнутыми глазами.

Паоло прикоснулся ко лбу покойного поцелуем. Прикрыл веки.

— Прощай, брат...

Богатство и власть — великое искушение. Неудовлетворенное желание и страсть, которую невозможно разделить, рождают в душе злобу и зависть. Амедео был силен и крепок и мог прожить еще много лет. Если бы Паоло не помог смерти найти свою жертву. Недаром вот уже десять лет он с помощью алхимика тайно изучал яды. В его лаборатории стояли наполненные морской водой резервуары, в которых плавала разная рыба. На ней Паоло испытывал действие ядов. Однажды ему пришла удивительная мысль о том, что человек, съев рыбу, накормленную отравой, будет отравлен и сам. Паоло блестяще доказал эту гипотезу, ежедневно подкармливая кефаль ядом.

Амедео любил острый паштет из кефали. Больше никто из домочадцев не притрагивался к этому кушанью. Верный слуга Паоло осторожно прокрадывался в большую кладовую, где в чане плескалась живая рыба, и подменял кефаль. Напрасно мессэре Чиприано пытался поймать убийцу, отравляющего блюда. Напрасно с паштета снималась двойная проба. У собак и рабов крепкие желудки, и маленький кусочек паштета не мог им повредить. Зато его ежедневное употребление медленно убивало Амедео, который даже на смертном одре не

мог отказаться от любимой еды. К тому же физик, сам того не желая, ускорил гибель пациента, рекомендовав ему острую пищу «для выжигания черной желчи».

Паоло прикрыл лицо ладонью, словно скрывая от покойника торжествующую улыбку. Теперь его непременно изберут подестой Милана! Теперь ему принадлежат все состояние и вся власть семьи делла Торре. И мадонна Анджелика...

Стон, раздавшийся в покоях, заставил его вскрикнуть. Амедео распахнул глаза и устремил на брата горящий взгляд:

— Подойди...

Содрогнувшись в душе, Паоло вновь склонился над графом, так упорно цеплявшимся за уходящую жизнь...

Иссохшая рука дернулась, провела по окровавленному рту. Собравшись с последними силами, Амедео ударил брата по губам. Шутиха Челестина слишком поздно сумела узнать, кто и как убивает его. Он не смог сохранить жизнь, зато за ним осталось право мести.

— Убийца... будь проклят проклятием каиновым...

Последняя судорога была короткой и страшной: спустя мгновение все кончилось. Теперь граф делла Торре был мертв.

Паоло попятился от кровати, ощущая на губах вкус крови своего родного брата...

ГЛАВА 1

«Du hast! — заорало под ухом. — Du hast mich!»¹

Владивосток, ноябрь 2009 года

Шепотом чертыхаясь, Сергей нащупал мобильный, лежащий рядом с подушкой, отключил будильник, в который раз пообещав себе сменить его мелодию. Он любил «Раммштайн», но просыпаться предпочитал подо что-то более... симпатичное. Звонок установила Алиса. Пошутила, называется.

Сергей еще немного полежал: вставать не хотелось. Понедельник... Ощувив, что вот-вот снова провалится в сон, ре-

¹ Ты!.. Ты меня! (Слова из песни «Du hast» группы «Rammstein»).

шитительно отшвырнул одеяло, скатился с дивана, несколько раз отжался, разогревая затекшие мышцы.

С портрета, висевшего на стене, — работа младшей сестренки — на Сергея смотрел его двойник. Коротко стриженные русые волосы, худощавое лицо с твердым подбородком, спокойный взгляд близко посаженных серых глаз, прямой нос с горбинкой, упрямо сжатые губы. Сейчас оригинал отличался от изображения не в лучшую сторону: подбородок украшен двухдневной щетиной — в выходные было лень бриться, волосы всклокочены, глаза смотрят хмуро и недружелюбно. Сергей не любил первые минуты утра, вырывавшие его из сна.

После бритья, контрастного душа и чашки кофе утро уже не казалось мрачным, а новая неделя — бесконечной. Сергей заглянул в комнату сестры. Дашка спала, уютно закутавшись в одеяло до самой макушки, в ногах у нее дремал, свернувшись в клубок, толстый серый кот. Полоса света из коридора падала на стол, заваленный рисунками. Стены маленькой комнатки были заклеены постерами с фотографиями персонажей знаменитой вампирской саги. В полумраке бледные лица кровососов и их подружек выглядели угрюмыми и недовольными, словно вторжение Сергея не вовремя пробудило героев от их упыриного сна. Рядом с кроватью валялась книжка в глянцевой обложке, с которой смотрели все те же или очень похожие бледные физиономии. Сергей добродушно усмехнулся: сестренка в семнадцать лет все еще увлекалась сказками. Сам он не мог понять прелести романтических отношений с ожившим покойником, полагая, что труп, даже ходячий, должен быть холодным и вонючим. Поэтому фанатизм поклонниц вампирских саг объяснял для себя красотой и особой харизмой актеров, сыгравших главные роли. Впрочем, в харизме Сергей, наверное, тоже не разбирался — ничего необычного и прекрасного в лицах актеров он не усматривал.

Кот бесшумно соскользнул с кровати и, доброжелательно затарахтев, принялся тереться об ноги хозяина, требуя ласки и еды.

— Даш, — позвал Сергей, — тебя на учебу подвезти?

Девушка подняла заспанное лицо, несколько секунд непонимающе смотрела на брата, потом, окончательно вернувшись к реальности, пробормотала:

— Нет, мне сегодня ко второй паре...

— Тогда Мурзу покормишь, — распорядился, уходя, Сергей.

В подъезде он достал из кармана мобильник, ткнул клавишу «3», прослушал какую-то незамысловатую мелодию. Алискин телефон был отключен. Неужели еще дуется? Не похоже на нее. В пятницу, в обеденный перерыв, они повздорили, и девушка обиделась. Причина ссоры была банальна и проста: Алисе давно уже хотелось услышать от любимого официальное предложение руки и сердца, а Сергей все тянул. Не то чтобы его пугала перспектива семейной жизни — нет, тут как раз их желания совпадали. Но Дашка... как оставить семнадцатилетнюю сестру? Алиса была не против того, чтобы жить одной семьей, но Сергей сомневался. Это на словах просто, а на деле девчонки у него обе с характером.

Он привык ставить интересы Даши превыше своих. Так уж получилось, что шесть лет назад, после гибели родителей в автокатастрофе, ему пришлось взять на себя ответственность за сестру. Тогда Сергей, выпускник Высшей школы милиции, только начинал работать опером, а Дашке исполнилось одиннадцать. Близких родственников в Приморском крае у Кругловых не имелось, помочь было некому. Приехала, правда, из Красноярска двоюродная сестра мамы, рассказывала о том, как трудно ей приходится с двумя детьми, да тут еще и муж бросил... Тетка явно надеялась, что Сергей сделает из ее рассказа правильные выводы. Он сделал. После похорон, когда от нее и соседей прозвучало: «О девочке надо позаботиться. Давай подберем хороший интернат или детский дом», — парень молча выставил всех за дверь.

Сергей никогда не был особенно дружен с сестрой — сказывалась большая разница в возрасте. Он всегда относился к Даше снисходительно-покровительственно, не более того. Но тогда, в день похорон, глядя в ее испуганное, опухшее от слез лицо, вдруг отчетливо осознал: ближе и роднее сестренки у него никого не осталось, и ни в какой интернат он ее не отдаст. Просто не сможет предать этого домашнего, доверчивого ребенка.

Сначала было очень трудно. Дашка все время плакала, а он не знал, как ее успокоить, как вернуть их маленькую семью к нормальной жизни. Не хватало всего: денег, времени, умения вести хозяйство... Потом как-то постепенно налади-

лось. Правда, спустя три года пришлось бросить службу в милиции, променяв ее на гораздо более спокойную и денежную работу в отделе безопасности банка. Там он и встретил Алису...

Улицу окутывал густой туман. Белесое, солено пахнущее покрывало тянулось из бухты, стелилось по земле, льнуло к домам и деревьям, делало силуэты прохожих размытыми, нечеткими. В этом плотном облаке обычный спальный район становился загадочным, похожим на декорацию к фильму ужасов. Погода для Владивостока нередкая, хотя для ноября и не совсем типичная.

По дороге на стоянку Сергей еще раз позвонил Алисе. Снова прозвучала браваурная песенка, следом до противности вежливый женский голос сообщил: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Если Алиса отключила трубку, значит, явно не желала идти на примирение. Сергей недоуменно пожал плечами. Неужели до сих пор обижена? Вряд ли, скорее всего, просто села батарея. При всей своей вспыльчивости девушка была не злопамятна и ни разу еще не сумела выдержать в ссоре дольше одного дня.

Серый «субару-форестер» послушно заурчал, подмигнул противотуманными фарами, мягко тронулся с места и покатился по ухабистой дороге, больше напоминающей горную тропу.

— Не проскочил, — пробормотал Сергей, вырывая на трассу.

Вскоре субарик завяз в медленном, ленивом потоке машин. А потом этот поток и вовсе замер. Машин во Владивостоке было непомерно много, а дорог — неоправданно мало, что наглядно подтверждало наличие обеих вечных общероссийских бед. Но зато имелись две достопримечательности, которыми горожане заслуженно гордились. О них хорошо сказал солист легендарной немецкой рок-группы, приезжавшей во Владивосток на гастроли. На вопрос журналистов «Что вам больше всего понравилось в нашем городе?» мастер рок-баллады ответил: «Огромное количество дорогих машин и красивых женщин».

Действительно, по Светланской и Океанскому проспекту — «Сити» Владивостока — несея непрекращающийся поток роскошных «лексусов», солидных «лендкрузеров», хищных спортивных «лансеров» и «целик». В дорогих автомоби-

лях, на водительском сиденье или рядом, сидели красивые девушки. Такие же красотки, ничуть не хуже, нарядной пестрой толпой заполняли вымощенные брусчаткой тротуары, спеша в офисы, магазины, университеты...

Стоя в пробке, Сергей еще несколько раз звонил Алисе — безрезультатно.

В центре светило по-зимнему холодное солнце, делая стоящие вдоль дороги старинные дома, выкрашенные желтой и розовой краской, празднично яркими. Каждый район Владивостока отличался своим собственным микроклиматом, и, проехав из конца в конец города, можно было поочередно окунуться в туман, попасть под дождь и увидеть солнце. Портовый город, сложный ландшафт — обычное дело.

До банка на Алеутской Сергей все же добрался вовремя, ровно в девять — минута в минуту — вошел в кабинет службы безопасности: Михаил Александрович, начальник, терпеть не мог опозданий.

Первым делом Сергей позвонил по телефону внутренней связи в отдел кредитования, где работала Алиса.

— А ее нет, — кокетливо пропела одна из менеджеров, — не волнуйтесь, Сергей Владимирович, приедет.

Служебные романы руководством не приветствовались, поэтому Сергей с Алисой всегда делали вид, что они как бы не вместе, а остальные сотрудники притворялись, что как бы в это верят.

Но Алиса не появилась ни через час, ни через два, по-прежнему пребывая «вне зоны действия сети». В одиннадцать Сергей набрал ее домашний телефон. Трубку сняли сразу же, как будто ждали звонка.

— Алло! — Даже по телефону в голосе Алисиной матери отчетливо слышались надежда и страх.

— Здравствуйте, Елена Сергеевна...

— Сереженька! — перебила женщина, — Слава богу! А я уже собиралась на работу звонить, вашего-то номера не знаю... Алиса с вами?

— Нет... — растерянно ответил он, ощущая, как в сердце холодной змеей заползает тревога.

— Как же так? — Елена Сергеевна всхлипнула.

— Успокойтесь, расскажите все по порядку, — твердо произнес Сергей, стараясь голосом не выдать своего беспокойства.

Но женщина расплакалась и уже не могла выговорить ни

слова. Трубку взял Антон Петрович, отец Алисы, заговорил медленно, борясь с одышкой, какая бывает у сердечников. В пятницу вечером Алиса ушла с подругами в ночной клуб, сказав родителям, что все выходные проведет у Сергея.

— Мы думали, она с вами, поэтому сначала не беспокоились, — говорил Антон Петрович.

— Нет. Я не видел ее с пятницы, — ответил Сергей.

— Она не позвонила в субботу. Мы не хотели вам мешать, но в воскресенье не выдержали, позвонили сами. Алисин телефон отключен. Мы уже с ума сходим. Понимаете, такого никогда раньше не было. Она старается нас не волновать. У меня большое сердце...

Сергей знал, как бережно Алиса относится к родителям. Действительно, она ни при каких условиях не могла оставить их в неведении. Да они ведь многого и не просили: просто раз в день позвонить, сказать, что все в порядке. Значит, с нею произошло что-то очень серьезное... По спине пробежал холодок.

— В каком клубе они были? — быстро спросил Сергей.

— Кажется, «Колизей»... Да-да, она так его назвала.

— Подругам звонили?

— Да... только они что-то непонятное несут. Говорят, что не знают, куда Алиса делась из клуба. И вообще, мне показалось, они обе пьяные.

— Хорошо, я сейчас сам с ними поговорю. Дайте мне их телефоны.

— А нам что делать? — потерянно спросил Антон Петрович, продиктовав номера.

— Пока ничего. Ждите. И постарайтесь не волноваться.

Сергей положил трубку. Он знал, что полагается делать в таких случаях, но просто не мог предложить напуганным, измученным ожиданием пожилым людям обзванивать морги и больницы. Лучше он сделает это сам. Но сначала встретится с подругами Алисы. Девушкам вполне может быть известно больше, чем они сказали родителям.

— Михаил Александрович...

— Да, можете ехать, — тут же отозвался начальник, широкоплечий бритоголовый мужчина, внимательно прислушавшийся к его телефонному разговору. — Считайте это своим служебным заданием.

Сергей благодарно кивнул. Михаил Александрович мог

расценить внезапное исчезновение менеджера кредитного отдела как чрезвычайное происшествие и угрозу безопасности банка. Но будь это действительно так, он не поручил бы расследование ему, любовнику Алисы.

— С вами едет Андрей, — тут же перестраховался начальник.

Из-за соседнего стола поднялся невысокий смуглый парень и, бросив:

— Жду у твоей машины, — вышел.

Сергей созвонился с подругами Алисы. Он был знаком с обеими девушками, пару раз был с ними в одной компании, так что они сразу согласились на встречу.

Встреча с одной из подруг была назначена в маленьком кафе «Розовая жемчужина», которое располагалось на первом этаже монументального дома дореволюционной постройки. Леночка, пухленькая миловидная блондинка лет двадцати пяти, уже сидела за покрытым розовой скатертью столиком, с аппетитом уписывая чизкейк.

— Привет! — весело поздоровалась она. — Я здесь работаю неподалеку. У меня как раз обед.

Андрей, впечатленный Леночкиной белокуростью и богатыми формами, широко улыбнулся и завел ни к чему не обязывающий разговор о местной кухне. Сергей заказал два кофе, незаметно присматриваясь к девушке, охотно болтавшей с его напарником. Судя по поведению, она не была ни напугана, ни взволнована.

— Лена, — вклинился он в беседу. — Извини, но у нас мало времени. Я по поводу Алисы.

— А что Алиска? — беззаботно откликнулась девушка.

— Ты сказала ее родителям, что не знаешь, где она.

— Родителям? — Аккуратные бровки Леночки приподнялись, большие карие глаза округлились, выражая искреннее удивление. — Я с ними не разговаривала.

— Вчера тебе звонил Антон Петрович, Алисин отец. Спрашивал, не знаешь ли ты, где она.

— Н-не помню, — как-то неуверенно отозвалась девушка.

— Ладно, неважно. — Сергей решил не настаивать, хотя поведение Леночки выглядело, мягко говоря, странно. Как можно было позабыть о вчерашнем звонке? Она же не старушка со склерозом. Даже если девушка и пыталась что-то

скрыть, то какой смысл отрицать известный факт? — Расскажи мне, куда после клуба поехала Алиса.

Во взгляде Лены изумление сменилось непонятной отрешенностью. Закусив пухлые губы, она теребила прядку светлых волос, выбившихся у виска из аккуратной гладкой прически, и словно пыталась что-то вспомнить, но не могла. Так и не дождавшись ответа, Сергей мягко проговорил:

— В пятницу вы пошли в «Колизей», правильно?

— В «Колизей», — послушно подтвердила Леночка.

— Вас было трое: ты, Ирина и Алиса, так?

— Так...

— Хорошо. Расскажи, что вы там делали.

Леночка оживилась, голос зазвучал более уверенно:

— Как обычно. Сидели, выпили по паре коктейлей, слушали музыку, танцевали...

— Долго вы были в клубе? — Сергей старался говорить как можно спокойнее, чтобы не спугнуть девушку.

— Где-то до четырех, наверное. Потом Иришка захотела спать, мы заказали такси и уехали.

— Алиса уехала с вами?

Снова непонятная рассеянность во взгляде, словно имя Алисы воздвигало в сознании Леночки стену, сквозь которую не могли пробиться воспоминания.

— Сосредоточься, Лена, — сказал Сергей, подавляя желание схватить девушку за плечи и как следует встряхнуть. — Вы поехали по домам. Где была Алиса? С вами?

— Нет... по-моему. Нет, ее не было...

— Она осталась в клубе? Ушла раньше? С кем? Вспоминай!

Андрей толкнул напарника в бок, отрицательно покачал головой: не перегибай... Карие глаза Леночки наполнились слезами.

— Не помню, не помню... Ребята, я понимаю, это очень странно, но поверьте, пожалуйста: я правда не помню!

— Сколько ты выпила? — сочувственно спросил Андрей.

— Всего два коктейля!

Больше от нее ничего добиться не удалось. Мужчины провели в кафе еще час, успокаивая, а потом снова расспрашивая Лену. Картина складывалась непонятная: девушка вполне внятно описывала времяпровождение в клубе, вспоминала мельчайшие подробности, но как только речь заходила об

Алисе, вдруг замирала, сбивалась и впадала в прострацию. Так ничего и не узнав, Сергей с напарником вынуждены были с нею распрощаться.

— Ничего не понимаю, — угрюмо проговорил Андрей уже в машине, — запугал ее кто-то, что ли?

— Не похоже. Согласись, если бы она что-то скрывала, придумала бы версию поубедительней.

— Наркота?

— Ты ее видел? — хмыкнул Сергей. — Девчонка пышет здоровьем.

— Ну, может, попробовала впервые. Экстази, допустим. В сочетании со спиртным эффект убойный.

— Тогда бы ее просто вырубил до утра, она бы не вспомнила даже, как блевала на собственные пятки, изогнувшись в лихом пируэте! А она подробно описывает, как рассталась с Ириной и что в подъезде на ее этаже кто-то выкрутил лампочку.

Сергей вел машину, отвечал напарнику, но делал все это машинально, занятый мыслями об Алисе. За три года службы в милиции он наслушался баек об особой интуиции оперативников, но не особо верил в эти рассказы, считая, что чутье на самом деле — не что иное, как опыт, помноженный на аналитические способности. А тут не требовались ни опыт, ни интуиция, чтобы понять: случилось что-то очень паршивое.

Субарик выехал из центра и покатился к бухте Тихой. Здесь, на сопке, между типовыми серыми девятиэтажками гулял холодный пронизывающий ветер, перекатывая унылые клубы тумана.

Ирина была в отпуске, поэтому назначила встречу у себя дома. Сергей очень надеялся на беседу с нею. Но надежды не оправдались: разговор, состоявшийся в маленькой уютной квартирке, почти в точности повторил диалог в кафе. С той только разницей, что теперь запинаясь и плакала хорошенькая хрупкая брюнетка.

— Не понимаю, — говорил на обратном пути Андрей, — они обе словно зомбированы. Если не наркотики, то что? Гипноз?

— Возможно, — мрачно ответил Сергей.

— А ты в него веришь?

— Верю — не верю... Гипноз, НЛП, секта... у меня пока нет

более убедительных версий. С девчонками кто-то поработал, это точно.

— Думаешь, Алису похитили?

— Возможно...

Вернувшись на работу, Сергей коротко отчитался перед начальником и отыскал в телефонной базе номер «Колизея». Трубку никто не взял — понедельник, в клубе наверняка выходной. Он снова позвонил Алисе: безрезультатно. «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети», — вещал механический голос. Сергей откинулся в мягком крутящемся кресле, с минуту бездумно смотрел в белые пористые плиты подвесного потолка. Потом выдохнул, решительно нажал клавишу «4» на своей трубке. Пора.

С Вовкой Пермяковым они дружили с самого детства. Выросли в одном дворе, пошли в одну школу, сидели за одной партой. Потом вместе поступили в Высшую школу милиции, вместе начинали службу в Пушкинском РОВД. Только через три года Сергей ушел в банк, а Вовка так и остался. Сколько Сергей ни звал друга на новую работу, тот неизменно отвечал: «Да ладно, потом как-нибудь», — и продолжал тянуть оперативную ляжку. И хоть при встрече Вовка любил жаловаться на то, что зарплата маленькая, премии зажимают, а вокруг — сплошная коррупция с показухой, бросать «весь этот бордель», как он называл место службы, не торопился. То ли любил свою работу, то ли работа его любила. Везде, где бы Пермяков ни появлялся, он заводил друзей. Такой у него был талант. Он умудрялся находить общий язык с девушками, таксистами, зрелыми дамами, злоехидными бабульками на лавочках и матерыми уголовниками — незаменимое качество для опера.

Длинный, тощий, сутуловатый и нескладный на вид, Вовка обладал удивительными гибкостью и артистизмом, а его по-обезьяньи подвижное лицо, чем-то напоминавшее портреты Пушкина, в зависимости от желания хозяина могло выражать то искреннее сочувствие, то непримиримую ярость, то мировую скорбь. Еще со школы к нему намертво приклеилось прозвище Факофф. У Вовки не было никаких способностей к языкам, и английский он еле-еле тянул на троечку, но ругательство, почерпнутое из американских боевиков, он к месту и не к месту выговаривал красиво и с шиком, поражая воображение слушателей истинно суперменским произно-

шением. Вот такой вроде бы несерьезный парень. Но в нужные моменты все клоунские замашки слезали с Вовки, словно шелуха, обнажая острый ум и железную хватку.

Капитан милиции Пермяков ответил не сразу. Сергей терпеливо ждал: мало ли где может находиться оперативник. Наконец в трубке что-то зашуршало, брякнуло, потом голос Вовки радостно воскликнул:

— Серега, факофф! Привет!

— Володя, нужна помощь, — проговорил Сергей.

Он быстро рассказал об исчезновении Алисы. Друг был знаком с девушкой, хорошо к ней относился и при встрече утверждал в своей обычной полушутливой манере, что не понимает, чем Круглов заслужил такое сокровище.

— Ясно... — отрывисто произнес Вовка, — «Колизей» — наш район. Пусть родители завтра с утра приходят, пишут заявление.

— Вов, ты сможешь пробить по базе?..

— Хорошо, сделаю. — Друг отключился.

Остаток дня Сергей провел за работой. Так ему было легче переносить ожидание и бороться с самыми страшными подозрениями. Три года — невесть какой срок службы в милиции, но и за это время он успел неплохо узнать изнанку Владивостока. В портовом многонациональном городе, богатом, шумном, не отличавшемся порядком, живущем автомобильной торговлей с Японией и морскими перевозками, было чем поживиться. Сюда стекались преступники всех мастей — от мелких шулеров до грабителей-рецидивистов. Воры, убийцы, мошенники, держатели притонов, драгдилеры — на кого он только не посмотрелся.

А еще во Владивостоке часто пропадали люди, как правило, молодые, не старше тридцати пяти. В каждом отделении милиции пылились сотни нераскрытых дел на тех, кто «ушел из дома и не вернулся». Обезумевшие от горя родители, рыдающие жены и растерянные мужья давно уже стали рутиной, чуть ли не ежедневными посетителями. Конечно, процентов десять так называемых «пропаданцев» на самом деле таковыми не были. Кто-то сбежал из дома, кто-то в погоне за романтикой пускался в путешествие автостопом, великовозрастные чада уходили от надоевшей материнской опеки, жены бросали мужей, а мужья — жен, иной раз забывая предупредить о разрыве. В таких случаях правда рано или поздно выяс-

нялась. А вот остальные девяносто... Чаще так и оставались пропавшими без вести. Иногда они находились. Всплывали в заливе, прибитые волной к берегу, по весне в лесу жуткими «подснежниками» показывались из-под стаявшего снега, обнаруживались в подвалах домов и под завалами мусора на городской свалке...

Сергей изо всей силы гнал от себя воспоминания о страшных находках, пытаясь думать только о работе. На какое-то время это ему удавалось, но потом он снова застывал за компьютером, бессмысленно пялясь в экран монитора. Тревога усугублялась зудящим чувством вины. Если бы Алиска не разозлилась на него, они провели бы выходные вместе. И не было бы ни клуба, ни последующего кошмара. И всего-то нужно было согласиться с абстрактным утверждением, что в двадцать семь мужчина готов к семейной жизни! А он как-то замылся... «Да женюсь я на тебе, дурочка! Ведь люблю же тебя! — мысленно уговаривал он Алису, как будто это могло что-то изменить. — Ты только найдись, вернись целая и невредимая. И я сразу же сделаю предложение. Только сначала отшлепаю как следует!»

Рабочий день кончился. Сергей вышел из банка, немного постоял на улице, вдыхая свежий прохладный воздух. Домой не тянуло. Там Дашка, не хотелось пугать сестренку траурной физиономией. Подумав, он решил поехать на тренировку. Правда, по понедельникам занималась другая группа, но не выгонят же его! Сергей увлекался кудо уже восемь лет, имел второй дан, дважды выходил в серебряные призы чемпионата по Приморскому краю и три раза побеждал в профессиональных боях по версии «драка». С последними он завязал, когда погибли родители, решив, что теперь не может рисковать здоровьем — нужно еще сестру поднимать.

«Поеду, — подумал он, — пар выпущу хотя бы». Благо сумка с доги, макиварами, шлемом и прочей экипировкой всегда лежала в багажнике его автомобиля.

Сергей уселся в машину, но не успел повернуть ключ в замке зажигания, как мобильник разразился песней «Арии». Звонил Вовка. Голос друга был сдавленным и хрипловатым, каким-то нерешительным.

— Серега, я пробил. Это пока неточно, но есть свежий труп. Вчера нашли. Похожий... — Вовка, словно не желая

произносить имя Алисы вслед за словом «труп», не закончил фразу, только добавил: — Приезжай.

Даша любила туман. Он создавал чувство защищенности и приятного одиночества, скрывал от чужих взглядов. Она словно плыла в ласковом пуховом коконе, незаметная и не замечающая никого вокруг. Туман был холодным и в то же время нежным, румянил щеки, бриллиантовой пылью оседал на ресницах и волосах, придавал глазам влажный загадочный блеск. Но Даша не догадывалась об удивительном преображении, которое дарила ей белая дымка, а сказать было некому: ведь туман тем и хорош, что никто тебя не видит.

Долго стоять на остановке не пришлось, и спустя час с лишним Даша уже была в универе.

Учиться во Владивостокском экономическом университете было престижно и не очень комфортно. Четыре больших корпуса — два старых и два недавно построенных — связанные сложной системой переходов и коридоров, представляли собой настоящий лабиринт, в котором с непривычки можно было заблудиться. В перерывах между парами студентам приходилось преодолевать множество лестниц.

— Быстро-быстро! — Томочка, лаборантка кафедры, остановилась перед Дашей, укоризненно взглянула сквозь толстые стекла очков. — На занятия опоздаешь!

Девушка кивнула и осторожно обошла лаборантку. Томочка была в универе кем-то вроде местной юродивой. Толстая, неуклюжая, рыжая, в неизменном потертom сером костюме, она всегда находилась в состоянии душевного трепыхания. Никто, конечно, не уполномочивал лаборантку следить за посещаемостью, но и возражать ей было чревато: Томочка могла разрыдаться или, чего доброго, вообще впасть в истерику — реакции она выдавала непредсказуемые. Поэтому студенты просто старались избегать странноватую даму.

Томочка проводила девушку укоризненным взглядом и ходко потрусилa дальше, потряхивая выпирающим из-под короткого пиджачка задом. Казавшиеся из-за очков огромными, как у коровы, глаза влажно блестели.

Аудитория, в которой проходила лекция по истории Приморского края, была самой обычной. Три ряда столов, расставленных как в школьном классе, только каждый стол рас-

считан на четырех человек. Даша вошла, уселась на свое постоянное место у окна, достала тетрадь.

Группа была почти в полном составе: первокурсники, еще не научившиеся прогуливать занятия, рассаживались за столы, наполняя аудиторию шумом, смехом и болтовней. В центре второго ряда несколько девушек что-то увлеченно обсуждали, в углу громко хохотали трое парней, за первым столом шушукались «ботаники».

За пять минут до начала лекции в кабинет впорхнула Женечка Войченко. Яркая, белокурая, вызывающе одетая, она напоминала героиню анекдотов про блондинок. Войченко любила короткие юбки, подчеркивающие длину и стройность ее ног, откровенные декольте, отдавая предпочтение розовым тонам, что делало ее похожей на ожившую куклу Барби. Многие одноклассницы считали это дурновкусием, но Женечку не смущала скрытая насмешка в их взглядах. Она считала, что лучшие друзья девушки — это бриллианты, и продолжала демонстрировать материальные возможности своего отца, владельца крупной рыболовецкой компании на Сахалине. Вот и сейчас, несмотря на теплую для ноября погоду, на Женечке была короткая норковая шубка, а в ушах и на пальчиках посверкивали драгоценные камешки — в ее семье так понимали богатство.

Вошедшая в аудиторию вслед за Женей девушка небрежно скинула белоснежную куртку, с дружелюбной улыбкой кивнула, поздоровавшись со всеми сразу. Персонального приветствия удостоились девчонки во втором ряду, встретившие подругу веселым щебетанием и дружескими поцелуйчиками в щечку. Яна Драгомилова — невысокая, гибкая, стройная шатенка, обладала прирожденной грацией движений, а за тонкие черты лица и большие глаза глубокого синего цвета ее можно было назвать настоящей красавицей. Она всегда была дорого и стильно одета. Даша совершенно не разбиралась в подобных вещах, но даже она понимала, что Яна умеет сочетать хороший вкус и моду. При всех своих несомненных внешних достоинствах Драгомилова не была высокомерной. Умненькая, веселая и общительная, она хорошо училась и даже в университет поступила сама, не воспользовавшись деньгами и связями своей семьи.

Один из парней, хохотавших за последним столом, оставил компанию и подошел к Яне, провожаемый заинтересо-

ванными девичьими взглядами. Им трудно было не любоваться — смуглый, высокий, атлетически сложенный и одновременно изящный. Черные волнистые волосы красивыми локонами ложились на плечи, бархатные карие глаза, окруженные длинными ресницами, завораживали мягким сиянием. Все это могло сразить любое женское сердце. И надо сказать, сразало.

Осторожно приобняв Яну за плечи, парень поцеловал ее в щеку — слишком нежно для обычного приветствия. Яна кокетливо откинула от лица прядь блестящих, идеально гладких волос цвета палисандра, что-то шепнула молодому человеку на ухо. Тот рассмеялся, кивнул и вернулся на свое место.

В группе было всего восемь парней, девушек — вдвое больше. Но, разумеется, Яна не могла остаться без внимания. И разумеется, таким, как она, всегда доставалось самое лучшее. С начала учебы все почему-то прониклись уверенностью, что между нею и Денисом Ладимирским обязательно случится роман. Яркие, красивые, умные, оба из семей высокопоставленных чиновников, они были словно созданы друг для друга. Так и случилось. Пока отношения Яны и Дениса напоминали игру — каждый из них был слишком самодостаточен и словно испытывал партнера: достоин ли, как покажет себя? Впрочем, оба игрока получали от состязания немало удовольствия, и все чаще Денис подвозил Яну к универу на ярко-синей, сверкающей «тойоте целика». Ни у кого из первокурсников еще не было своей машины, хотя родители большинства из них могли себе это позволить. Но многим студентам еще не исполнилось восемнадцати, Ладимирский же уже полгода как отметил совершеннолетие.

Поначалу вся группа с интересом наблюдала за развитием этой красивой, какой-то киношной любви. Потом всем надоело. И так ясно, что они будут вместе. Даша вот точно это знала. Это только в американских фильмах капитан футбольной команды бросает капитана команды черлидеров ради самой скучной и некрасивой девочки, тем самым превращая ее из тусклой неудачницы в сияющую принцессу. В жизни все по-другому, в жизни капитан и капитанша женятся, делают карьеры, становятся богатыми и производят на свет детишек, таких же красивых и популярных, как они сами. А неудачница... Даше искренне хотелось верить, что и неудачницы могут

чего-то добиться. Нужно только много работать, не надеясь на чудо.

И все же почему у нее так замирало сердце, когда она смотрела на Дениса? Она изо всех сил старалась не думать о нем, твердила себе, что это просто смешно. Куда ей? С самого детства она знала о своей некрасивости и уже привыкла, сжилась с нею. Серые волосы, серые глаза, обычное невыразительное лицо, как будто Творец, создавая Дашу, поленился придать чертам законченность, оставив их смазанными. В общем, серая мышка.

Пара началась, но преподаватель как всегда задерживался. Вместо него в аудиторию вошел какой-то молодой человек, что-то коротко спросил у сидевших за первым столом.

— Новенький? Иван Тарков, да? Правильно, это сто одиннадцатая эф, — громко проговорила староста, на мгновение прервав болтовню с подругами.

Тот двинулся между рядами в поисках свободного места. Парни не обратили на его появление особого внимания, а вот девушки проявили гораздо больше интереса. Женечка Войченко, втайне до сих пор уязвленная тем, что Денис выбрал не ее, приободрилась и одарила Ивана томным взглядом. Остальные были не столь откровенны, но рассматривали новенького с любопытством. Он выглядел немного старше других первокурсников, на вид ему было около двадцати. Среднего роста, широкоплечий, жилистый, белобрысые волосы коротко острижены. Лицом Иван напоминал актера Дольфа Лундгрена: холодный прямой взгляд, светлые брови и ресницы, кривоватый, наверняка когда-то сломанный в драке нос, тонкие губы и твердый подбородок — настоящий арийский воин. Одет он был соответствующим образом: кожаная куртка, потертые джинсы и тяжелые солдатские ботинки-берцы.

«Интересный типаж», — подумала Даша, отстраненно разглядывая новенького. Тот, словно услышав ее мысли, вдруг повернулся и посмотрел прямо на нее. По спине пробежал нехороший холодок: взгляд по-звериному желтых глаз был острым, пронизывающим, одновременно настороженным и уверенным. Наверное, так смотрит тигр, перед тем как прыгнуть на добычу, а может быть, змея перед броском... Даша испугалась, что он усядется на свободное место рядом с нею, но парень недобро усмехнулся и прошел мимо. И ничего удивительного, что прошел. В группе ее не замечали, как будто она

приносила с собою кусочек уличного тумана и продолжала в нем прятаться. Так ей было комфортнее. Наверное, Иван сел с Женечкой, но оглянуться и посмотреть Даша побоялась.

Наконец в аудиторию вошел преподаватель, шум утих, началась нудноватая лекция. Записывать было нечего, и Даша рассеянно водила ручкой по тетрадному листу, набрасывая небрежный рисунок. Она умела и любила рисовать, в детстве даже мечтала стать художником. Особенно девушке удавались портреты.

Постепенно работа увлекала ее, размытые штрихи складывались в четкие контуры, на бумаге появлялось красивое лицо. Миндалевидные глаза, прямой нос с небольшой горбинкой, капризные чувственные губы, правильная линия высоких скул...

Даша была так поглощена своим занятием, что не уследила за временем. Очнулась, только когда вокруг послышался звук отодвигаемых стульев и голоса одноклассников. Она хотела было закрыть тетрадь, как вдруг нежный голосок произнес:

— Ой, какой красивый портрет! Можно посмотреть?

Маленькая ручка с аккуратным розовым маникюром ловко сцапала тетрадь. Даша подняла глаза: рядом стояла улыбающаяся Настя Кравцова, подруга Яны. «Отдай!» — хотела сказать Даша, но не успела.

— Янчик, смотри, какой портрет нарисовала Круглова!

Настя подбежала к девчонкам, и тетрадь пошла из рук в руки. Рисунок разглядывали все, кто не успел выйти из аудитории. Девушки ахали и восхищались сходством, но у всех при этом на лицах читалось... понимание. У кого-то снисходительное и даже сочувственное, у кого-то насмешливое, у кого-то — откровенно злорадное. Парни, проходя мимо, тоже не поленились бросить взгляд на тетрадь.

Яна доброжелательно улыбнулась:

— Хороший рисунок.

Она никогда не унизилась бы до подозрений, неприязни или ревности, ей бы такое даже в голову не пришло. Да и к кому ревновать? Королевы не состязаются с замарашками. И от этой мысли Даше стало еще хуже.

— Забавная рожица, — одобрительно произнес анимешник Артур, в волосах которого иссиня-черные пряди переме-

жались с ярко-фиолетовыми. — А ты мангу рисовать не пробовала?

— Остынь, отаку! — рассмеялся Костя Левин, мажор и задный прогульщик, каким-то чудом появившийся сегодня на занятиях. — Зачем ей твои комиксы? Круглова, а чего ж ты так долго свои таланты скрывала? Меня нарисовать сможешь?

— Тебя не получится, — ухмыльнулся его приятель Макс, — ты рожей не вышел, никого вдохновить не можешь, поэтому пошли лучше пожрем. А в этом шедевре видно высокое чувство. — Уходя, он хлопнул по плечу стоявшего рядом с Яной Дениса.

Парни, не придавшие этим словам никакого значения, отправились по своим делам, зато девушки поддержали шутку веселым смехом. Слишком веселым. Даша почувствовала, как к щекам жаркой волной приливает кровь. Кусочек тумана, прятавший ее ото всех, рассеялся, и теперь она стояла под обстрелом взглядов — открытая, незащищенная. Она знала, что лицо и шея сейчас покрылись некрасивыми красными пятнами, и было вдвойне стыдно, что ее такую видит Денис. Девчонки постепенно расходились, и только три подруги Яны все еще продолжали щебетать над рисунком. Денис мягко отнял у них тетрадь, закрыл, протянул Даше. Взгляд лучистых карих глаз был ласковым и немного удивленным, словно он только сейчас рассмотрел в девушке что-то особенное и теперь недоумевал, как раньше не видел этого.

— Ты хорошо рисуешь. Правда, мне очень нравится.

Улыбнувшись Даше на прощание, он вышел из аудитории вместе с Яной.

Следующей парой была высшая математика, затем — английский. Сидя на занятиях, Даша пыталась справиться со стыдом, но у нее не получалось. Все давно уже забыли о ее рисунке, да и не было в нем ничего ужасного, но в воображении девушки случай обрастал неприятными последствиями. Теперь ей отовсюду чудились насмешливые взгляды и ехидные улыбочки. Поэтому конец занятий Даша восприняла с радостью и поспешила покинуть аудиторию.

Дома стало немного легче. Она постаралась выкинуть из головы терзавшие ее мысли и занялась домашними делами. В последние четыре года Даша взяла на себя все хозяйственные хлопоты, чтобы хоть немного облегчить брату жизнь. Обе-

дать не хотелось, и девушка решила дождаться Сергея, чтобы вместе поужинать.

За окном сгущались сумерки, окрашивали туман в серые тона. Вот уже и окончательно стемнело. Семь часов, восемь, девять... брата все не было. Обычно она старалась не беспокоить Сергея по вечерам — мало ли, может быть, он с Алисой, а она тут ворвется со своим звонком... Но Даша ужасно проголодалась и решила позвонить.

Брат взял трубку не сразу, пришлось подождать. Голос у него был усталый, измученный какой-то:

— Даш, ты не жди меня. Дела...

«Наверное, опять какого-нибудь должника разыскивают, — решила девушка. — Придется ужинать в компании Мурзы».

Поев, она устроилась за столом в своей комнате и включила компьютер. Немного побродила по форумам фанатов вампирских саг, ответила на пару комментариев, проверила, нет ли новостей на сайтах любителей изобразительного искусства. Даша любила общаться в сети — это гораздо проще, ведь там тебя никто не видит, а фото можно и не выкладывать...

Задвинув в стол клавиатуру, она занялась новым рисунком. В детстве Даша ходила в художественную школу, где делала большие успехи — ее работы даже отсылались на международные выставки. Родители гордились ею, и в семье как-то само собой решилось, что дочь, когда вырастет, поступит в Институт искусств, будет учиться на художника. Но потом случилась эта страшная авария, и привычный уютный мирок Кругловых развалился, перестал существовать... Художественную школу Даша все же окончила, но когда пришло время выбирать будущую профессию, решила поступать в Экономический университет, благо по баллам проходила на любую специальность. Искусство теперь казалось ей чем-то эфемерным, ненадежным, доступным только людям из обеспеченных семей. Где взять денег молодому художнику? Как пробиться, начать зарабатывать? Висеть на шее у брата не хотелось. А экономическая специальность давала возможность неплохо устроиться в жизни. Тем более что Сергей одобрил выбор сестры, сказав, что после выпуска сумеет помочь с работой.

Так что теперь рисование перешло в разряд хобби, занятия для души по вечерам. Это было любимое Дашино время. Все дела переделаны, на столе горит лампа, на кровати довольно

мурлычет кот, и можно погрузиться в выдуманный мир, забыть обо всем, что случилось за день.

Больше всего ей нравилось рисовать карандашом — портреты, сценки из фильмов. Стол был завален листами, с которых смотрели лица героев вампирских саг. Если бы Дашу спросили, что именно ее привлекает в этих незамысловатых историях, она бы ответила: любовь. Именно это главное. Красивый, таинственный незнакомец, который обращает внимание на самую обычную, ничем не выделяющуюся из толпы девушку, и их чувства, которые будут длиться вечно. Вечная молодость и любовь — разве это не прекрасно? Ради них стоит принять дар бессмертия.

Но почему-то в последнее время все чаще под ее карандашом вместо совершенных бледных лиц появлялось живое, улыбающееся лицо Дениса...

Перевалило за полночь, а брат все не возвращался, но Даша, увлеченная работой, не обращала внимания на время. Мурза, проснувшись, потянулся, немного подумал, потом требовательно мяукнул. Хозяйка не спешила оборачиваться. Недовольный тем, что она не проявляет к нему должного внимания, кот стек с кровати, вальяжно подошел к столу, потерся о ножки кресла — Даша не реагировала. Попятившись назад, Мурза переступил с лапы на лапу, примериваясь, как прыгун перед взятием новой высоты, и одним легким движением вознесся на столешницу. Хозяйка, оторвавшись от непонятого занятия, вздрогнула и рассмеялась. Удовлетворенный произведенным эффектом, кот важно прогулялся от края до края стола, помахивая воинственно поднятым хвостом, затем плюхнулся прямо на рисунок. Мол, прекращай дурью маяться, лучше почеси за ушком. Даша почесала. Мурза усиленно затарахтел, прикрыл хитрые глаза и задремал.

Рассеянно поглаживая кота, она бросила взгляд на стену, где висели круглые часы. Половина первого. Странно...

— Загулял наш Сережка, — сказала она коту, — ну, пора спать, малыш...

Мурза прищурился, недовольный тем, что его потревожили, и не пошевелился. Даша выключила верхний свет и настольную лампу, оставив гореть слабый ночничок над кроватью, принялась расстилать постель.

Сильный порыв ветра ударил в окно. Задрезжал металлический козырек над балконом, жалобно заскулило где-то в

стене, в вентиляционных трубах. Зашумели деревья в скверике у дома. Кот вскочил, выгнулся, вздыбил шерсть, прижал уши и, неотрывно глядя на занавешенное плотными шторами окно, зашипел.

— Чего ты, дурачок? — улыбнулась Даша.

Но Мурза не успокаивался. Шипение перешло в утробный воинственный вой, в котором явственно слышался первобытный ужас и обещание отстаивать свою жизнь, каким бы страшным ни был враг. Даше сделалось не по себе. Она понимала, что бояться нечего: третий этаж, ни один грабитель забраться не сумеет. И все же ей было жутко.

— Прекрати, — строго сказала она, — ты же знаешь: это просто ветер...

С этими словами девушка подошла к окну, отдернула штору и замерла, не в силах даже отпрянуть. Ноги подкосились, руки словно онемели. Дикий крик, родившийся где-то в самом сердце, поднялся к горлу и встал сухим комом, мешая дышать.

Под тусклым светом пробивавшейся сквозь туман луны она увидела большую размытую темную тень, прильнувшую снаружи к стеклу. Темный силуэт шевелился, ворочался на козырьке, и казалось, он колышется, преобразается, меняет форму. Неподвижными, яркими, были только звериные глаза, смотревшие прямо на Дашу.

Одноэтажный, выкрашенный веселой лимонно-желтой краской особнячок дореволюционной постройки выглядел симпатично и уютно. Он был обнесен аккуратным заборчиком и окружен деревьями. Летом дом утопал в зелени, а сейчас выплывал из вечернего синеватого тумана, ярким праздничным пятном выделяясь на фоне черных стволов.

Оставив машину за оградой, Сергей вошел в ворота, которые почему-то были гостеприимно распахнуты, пересек посыпанную гравием парковую дорожку и остановился перед дверью с неприметной табличкой «Морг».

— Привет. — Откуда-то из тумана возник хмурый Вовка, протянул руку. — Готов?

Сергей ответил на рукопожатие, молча кивнул. Разве можно быть готовым к такому? Он приехал один, родителям девушки звонить не стал: люди пожилые, у Антона Петровича

больное сердце. Алиса у них — поздний и единственный ребенок. Сергей решил не беспокоить их, пока сам не увидит тело. Ведь это же еще неточно... Вовка сказал: «Похожа». Мало ли на свете девушек, похожих на Алису. Смерть меняет людей иной раз до неузнаваемости. Зачастую труп находится в таком состоянии, что его трудно опознать, к тому же друг видел только фотографию.

Вовка нажал на кнопку звонка, вскоре дверь распахнулась: на пороге стоял здоровенный мрачный мужик в темно-синем хирургическом костюме. «Интересно, а бывают улыбчивые санитары морга?» — вдруг новость откуда всплыла идиотская мысль.

Мельком взглянув на Вовкино удостоверение, санитар молча развернулся и быстро пошел по тускло освещенному, пахнущему формалином белому коридору. Мужчины двинулись за ним. «Бог... или боги... кто там есть? Только бы не Алиска, — твердил про себя Сергей. Монотонно, в такт шагам, гулко отдававшимся в пустоте коридора, молил неизвестно кого: — Только бы не Алиска...»

«Там, высоко — нет никого, там так же одиноко, как и здесь...»¹ — издевкой над его мыслями прозвучал телефонный звонок.

— Трупохранилище, — бросил санитар, отпирая металлическую, словно ведущую в бункер дверь.

— Даш, ты не жди меня... Дела, — торопливо буркнул в трубку Сергей.

В помещении царил холод. Пол и стены до самого потолка покрывала старая, видно оставшаяся еще с советских времен белая плитка. Поблескивающий под тусклым светом боками из нержавеющей новенький «сейф» с ячейками странно диссонировал с растрескавшимся кафелем. У противоположной стены стояли обшарпанные каталки, накрытые ветхими простынями, под которыми угадывались очертания тел.

Санитар посмотрел поданные Вовкой документы, буркнул:

— Там она. Мест не хватает... — Подвел посетителей к одной из каталок и взялся за край простыни.

Но Сергей смотрел не на лицо. Сероватая ткань съехала в сторону, открыв ноги покойницы. Узкие лодыжки, на ле-

¹ Слова из песни «Там, высоко...» группы «Ария».

вой — тонкая ниточка шрама, алый лак на ногтях... Алиска любила все яркое, но современная мода диктовала естественность, да и дресс-код банка не приветствовал броские тона. Вот она и сделала яркий педикюр, смеялась: «Все равно, кроме нас с тобой, никто не увидит»...

Не помогла молитва. Мир вокруг замер, время остановилось, куда-то исчезли люди, и не осталось ничего, кроме этой убогой комнаты и тела под старенькой простыней. И сил не было поверить. Казалось, это происходит не с ним — настоятельно замедленно-отстраненно виделось все вокруг.

— Опознавать будете? — равнодушный голос санитара.

Вовкина рука тяжело легла на плечо. Сделав над собою чудовищное усилие, Сергей повернул голову.

Первое, что он увидел — золотистые Алисины волосы, спутанные, утратившие обычный блеск, на концах слипшиеся грязными бурыми сосульками. Он смотрел, силился понять и все равно не понимал: «Что у нее с шеей?» Голова девушки была неестественно вывернута под странным углом, шея превратилась в окруженное лоскутами кожи кровавое месиво, из которого торчали сероватые хрящи вырванной гортани.

Странно, дико, но выражение окровавленного лица было умиротворенным. Глаза закрыты, словно Алиса не умерла, а уснула, на губах застыла слабая улыбка.

— Пойдем, Серега... — Вовкина рука сжала плечо.

— Вещи смотреть будете? — поинтересовался санитар, по-хозяйски прикрывая Алисино лицо. — А то они на складе...

— Нет, — с болезненным хрипом вырвалось из пересохшего горла.

— Может, воды или спирта? — с неожиданным сочувствием спросил санитар.

Сергей отрицательно помотал головой. Этот незамысловатый жест снова запустил движение мира вокруг него...

Дальнейшее не то чтобы стерлось из памяти, но слилось в сплошную серую полосу. Вовка, спрашивавший: «Ты как? Может, с тобой поехать?» Его собственный отказ. Бумаги, которые ему пришлось подписать. Потом поездка к Алисиным родителям — он не мог допустить, чтобы о случившемся они узнали из звонка чужого человека. Антон Петрович, схватившийся за сердце, тихий, беспомощный, детский какой-то

плач Елены Сергеевны. Ему пришлось вызывать «скорую», подождать, пока подействует укол, потом долго сидеть с Алисиной матерью, боясь взглянуть в ее горестные глаза, ощущая иррациональное чувство вины. Ведь если бы не та ссора, ничего не случилось бы. Не уберег...

Домой Сергей вернулся около четырех. Открыл дверь своим ключом, сразу прошел в ванную, скинул одежду и встал под душ. Смыв с себя едкий формалиновый запах, который, чудилось, пропитал его всего, тихо, чтобы не разбудить Дашу, пробрался на кухню. Достав из холодильника бутылку водки, стоявшую там с незапамятных времен, взял с полки чайную чашку, набулькал половину, потом подумал и долил до верха. Резко выдохнув, опустошил посудину в три больших глотка, посидел немного, ожидая, когда теплая волна разольется по телу, ударит в голову, затуманивая разум, растопит ком в горле. Тепло ощутил, а вот шума в голове — нет. Мысли оставались ясными, и глотать все так же было больно.

— Не берет... — пробормотал Сергей, нюхая водку: не выдохлась ли? — Повторим...

Но, повертев бутылку в руках, убрал обратно в холодильник, поняв: бесполезно. Бесполезно. Нельзя пить с горя. Не поможет.

Почему-то стало очень важно посмотреть на Дашку. Вот прямо сейчас, сию минуту, просто так. Увидеть взлохмаченные прядки русых волос, торчащие из-под одеяла, услышать ее мирное сопение и мурлыканье кота. Убедиться, что с нею все в порядке, хоть на мгновение погрузиться в спокойный, благополучный мирок.

Тихо отворив дверь, Сергей заглянул в комнату сестры. Уютно горел ночничок, отбрасывая бледный круг оранжевого света. В этом круге на полу, раскинув руки, лежала Даша. Глаза девушки были закрыты, грудь едва заметно вздымалась в ровном дыхании. Рядом, нахолившись и распушив шерсть, поджав под себя лапы, дремал Мурза.

На губах Даши блуждала слабая улыбка, вдруг ошпарившая Сергея ужасом: так она напомнила выражение другого, мертвого, лица...

Шепотом выругавшись, он бросился к сестре.

Из истории рода делла Торре

Милан, год 1180 от Рождества Христова

Дом графа делла Торре снова был погружен в уныние. Снова фра Никколо служил мессы во исцеление, мессэре Чиприано хмурился и советовался с астрологом, пытаясь поставить диагноз больному, а слуги и рабы пугливыми стайками собирались в коридорах замка, шепотом передавая друг другу: в семье делла Торре завелся убийца. И только двое не повторяли этих сплетен: верный слуга Луиджи, тот самый, который подменял рыбу для Амедео, и чернокнижник Руджеро, работавший у герцога в лаборатории. Их обоих Паоло когда-то откупил от костра, и душегубы были по-собачьи преданы своему спасителю.

Лекарь и сам заподозрил бы, что неведомый злодей, убивший Амедео, теперь принялся за Паоло. Если бы симптомы у больных не были настолько разными.

Его светлость заболел в день похорон старшего брата: вдруг сделался вялым, бледным, перестал проявлять интерес к жизни и целыми днями дремал. Потом граф отказался от еды. А если, поддавшись уговорам, он все же с трудом проглатывал какую-нибудь пищу, то тут же извергал ее обратно. Он худел, иставал прямо на глазах. Щеки ввалились, губы сделались белыми, склеры глаз, напротив, покрылись красными прожилками лопнувших сосудов. Руки и ноги на ощупь были ледяными, как у покойника. За неделю сильный, пышущий здоровьем мужчина превратился в беспомощного старика.

Странно, но, видимо, у его светлости ничего не болело. Он просто ослабевал и сох. Кровопускание больной делать отказался, сославшись на головокружение, глотать лекарства тоже не мог: от них его рвало. Растерянный врач уже не знал, как лечить графа. Астролог тоже ничего не мог посоветовать, звезды вставляли в самые причудливые сочетания, и гороскоп Паоло делла Торре через день то пророчил скорую смерть, то сулил непомерно долгую жизнь.

Паоло и сам чувствовал, что умирает, и ждал этого — безразличный, безучастный. Он алкал власти, но она прошла мимо. Из-за болезни Паоло подестой Милана был избран Маттео Висконти из рода извечных соперников делла Торре. Паоло хотел богатства, но даже за все золото мира не мог купить себе жизнь. Он вожделем мадонну Анджелику, но те-

перь, когда она оказалась беззащитна перед его страстью — загнанная лань, трепещущая перед охотником — у него не осталось ни сил, ни желаний. Лишь любовь все еще жила в его сердце — большая, уродливая, вскормленная кровосмесительным плотским желанием, но неистребимая. И как же удивился бы его светлость, узнай он, что мадонна Анджелика в своих покоях день и ночь проливает слезы, моля Бога об исцелении убийцы своего мужа, потому что страсть Паоло дала робкие ростки и в ее душе.

Оставалась надежда лишь на Божье чудо, ежечасно вымаливаемое фра Никколо. Целыми днями больной спал и просыпался только во время месс, слабым стоном извещая о своем пробуждении. Священник, вдохновленный этим свидетельством действенности его молитв, готов был служить мессы не только днем, но и ночью. Однако его светлость тайком попросил мессэре Чиприано уговорить фра Никколо не делать этого. Физик согласился с тем, что больному необходимо отдыхать по ночам, сумел договориться со священником и распорядился, чтобы слуги не беспокоили графа без его на то желания.

Близился вечер. Паоло лежал на постели, сложив на груди иссохшие бледные руки, погружившись в дрему. Во сне перед его взором мелькали странные образы, гримасничали уродливые лики, слышались дикие звериные завывания. Граф хотел проснуться, но не сумел. Эти видения преследовали его каждый день, мучили страхом и непонятными, темными желаниями. А потом истаивали во тьме, и вдруг перед ним словно оживали древние языческие мифы. И тогда мнилось ему широкое распаханное поле, залитое светом полной луны. И на нем били в тимпаны, играли на свирелях козлоногие сатиры, и прекрасные обнаженные вакханки кружились в бешеном танце, славя своего безумного бога. Поражая себя кинжалами в сосцы, подносили к упругим грудям золотые чаши, и кровь, в жемчужном свете похожая на молодое вино, текла тонкими струями, пенилась, издавая пряный, дурманящий аромат. И кто-то — то ли звери, то ли люди — припадали к чашам, глотая кровь, как божественный нектар. Вакханки, полные страсти и желания, хохоча, обвивали руками зверолюдей, прижимали к груди, чтобы те вкусили живой крови, и сами впивались зубами в их шеи, одновременно насыщаясь и насыщая. И десятки, сотни, тысячи обнаженных пар сплета-

лись на жирной, мягкой, словно постель, земле. Яростные, животные крики мужчин сливались со сладкими женскими стонами, рождая музыку экстаза. И кровь стекала с тел на землю, питая ее, принося самую древнюю, самую прекрасную жертву...

Паоло дрожал во сне, не понимая, что происходит, страшась увиденных картин, но испытывая непреодолимую тягу к вакханкам, которые манили его, звали за собою... Но тут в сон врвался голос фра Никколо, возносившего христианскую молитву, и видения рассыпались пылью, истаивали в темноте. Граф просыпался, но не мог выйти из странного оцепенения. Месса кончалась, священник тихо выходил, и все начиналось сначала.

Но сегодня мягкий голос, произносивший молитвы, почему-то причинял боль, словно острою раскаленную иглою вонзаясь в мозг. И вакханки не испугались, не ушли из сна. Разъяренные вмешательством в ритуал, обнаженные женщины скалились, показывая острые клыки. Из окровавленных ртов вырывалось злобное шипение. Ноги вакханок обрастали чешуей, превращались в мощные змеиные хвосты, и вот уже не прекрасные жрицы древнего бога стояли перед Паоло, но жуткие ламии, гипнотически раскачиваясь, завораживали жертву...

— *Benedicat tuae omnipotens Deus, Pater, et Filius, et Spiritus Sanctus. Amen*¹, — произнес фра Никколо, и эти слова невыносимой мукою отдались в теле, обдали душу ужасом.

Из последних сил он сдерживал стон, почему-то зная, что не должен показывать эту боль. Вскоре священник вышел, и Паоло наконец сумел пошевелиться. Он впился зубами в подушку, сдерживая рвущийся наружу дикий крик. Первая волна боли схлынула, и граф долго еще лежал, впившись скрюченными пальцами в одеяло, пытаясь прийти в себя.

Наступила ночь. Плотно занавешенные окна и днем не пропускали ни лучика света, в комнате всегда царил полумрак, освещенный огоньками свечей. Но Паоло откуда-то точно знал: наступила ночь.

Ночью ему легче дышалось, исчезали слабость и безразличие. Ночь даровала облегчение, возвращала силы и гибкость

¹ Да пребудет с тобою благословение Божье: Отца, Сына и Духа Святого. Аминь (*лат.*).

измученному телу, приносила свежесть и ощущение какого-то незримого полета. И тот, кто увидел бы графа со стороны, удивился бы его бодрому виду. Но вместе с ночью приходило и странное чувство то ли голода, то ли жажды.

Сегодня это было особенно сильно. Паоло поднялся с постели, подошел к столу, на котором стояла позолоченная ваза, полная винограда разных сортов. Тугие кисти с прозрачными бледно-зелеными, красно-фиолетовыми, почти черными матовыми ягодами, уложенные красивою башней, способны были пробудить аппетит у любого. Отщипнув ягоду, граф положил ее в рот, раздавил на языке, и тут же согнулся в приступе рвоты. Между тем голод усиливался, скручивая внутренности, перехватывая пересохшее горло судорогой и вызывая неясное, томительное возбуждение. Паоло содрогнулся и глухо застонал в предвкушении какого-то запретного, извращенного наслаждения.

Скрипнула дверь. Граф вздрогнул, отступил в тень, заслонив рукою лицо, понимая, что его выражение способно привести в ужас кого угодно. В покои вошла мадонна Анджелика. Остановилась в шаге от порога, огляделась и, увидев Паоло, робко улыбнулась:

— Вам лучше, ваша светлость! Господь услышал мои молитвы...

Граф не опустил руки, пряча дьявольскую ухмылку, искривившую его губы при упоминании имени Божьего. Он сам не понимал, что происходит, лишь ощущал, как в душе нарастает непонятное волнение.

— Ваша светлость... — тихо прошептала мадонна Анджелика, — ваша светлость... Паоло...

Амедео был добрым и справедливым мужем, и она была счастлива с ним, как счастлива дочь рядом с заботливым отцом. Но молодая супруга никогда не ощущала себя женщиной. Ласки Амедео лишь дразнили ее, но не удовлетворяли, оставляя мучиться смутными желаниями. А в последние три года Амедео и вовсе утратил мужскую силу. Мадонне Анджелике, вошедшей в пору женского цветения, по ночам оставалось лишь метаться на горячей постели, грезя о крепких объятиях. И как же обжигали ее днем безумные, полные страсти взгляды Паоло! Потом она раскаивалась, бросаясь на колени, молила Бога о прощении. Но сладкий яд желания продолжал проникать в ее жилы, отравляя кровь и разум.

Медленно, на подгибающихся от страха ногах она подошла к тому, о котором так мечтала долгими ночами. Как она боялась, что Паоло умрет, как плакала, моля Господа о его спасении!

— Паоло... — лепетала она, чувствуя радость уже от одного звука его имени.

— Уйди... — хрипло проговорил граф, не открывая лица.

Мадонна Анджелика, словно наткнувшись на каменную стену, остановилась, пораженная не словом, но мукой, звучащей в его голосе. Уйти? Но почему? Разве он не желал ее, разве не провожал пожирающим взглядом каждое ее движение? И вдруг молнией женщину поразила мысль: великодушный граф заботится о ее чести! Мадонна Анджелика решилась: пусть случится то, чего она так жаждала. Пусть одна ночь, пусть потом — позор, презрение, забвение... Но Паоло должен узнать о ее любви и подарить ей страсть. Пусть позволит ей узнать женское наслаждение...

Шаг, всего один шаг — и граф делла Торре, не в силах больше сдерживать снедающее его желание, прыгнул вперед, схватил мадонну Анджелику, крепко сжал в объятиях и повалил на пол. Выгибаясь в его руках, юная женщина ликующе закричала, почувствовав, как холодные губы впиваются целуем в ее шею...

Паоло обезумел от блаженства, полностью растворился в нем, забыв о времени, и очнулся, лишь ощутив, как под ним содрогнулось прекрасное тело возлюбленной. Его переполняли силы, чувство непонятного голода немного отступило, а на губах остался терпкий, солоноватый, восхитительный вкус. Осторожно отпустив мадонну Анджелику, граф любовался ее милым, умиротворенным лицом, на котором застыла счастливая улыбка. Глаза женщины были закрыты, она словно крепко уснула. Паоло скользнул взглядом ниже и отпрянул: на белой шее красавицы багровели две округлые ранки, из которых сочилась алая кровь. Только теперь он заметил, что мадонна Анджелика не дышит...

— Она мертва, — произнес гулкий, низкий голос.

Затрепетав в безотчетном ужасе, граф оглянулся, но никого не увидел.

— Она мертва, — повторило невидимое существо. — Ты принял первое причастие.

Паоло медленно вытер губы, поднес руку к лицу: на ладо-

ни атели полосы свежей крови. Он сам только что остановил любящее сердце, сам оборвал единственную ниточку, связывавшую его с прошлой жизнью. Не сводя взгляда с мадонны Анджелики, граф тихо завыл.

— Так ступай и доверши начатое, чтобы возродиться для новой, вечной жизни. — Холодный голос пронзал душу ледяными иглами, превращая ее в камень.

Голод усиливался, нарастал, и скоро терпеть его уже стало невозможно. Паоло жадно слизнул с ладони кровь мадонны Анджелики, наслаждаясь острым медным ароматом. Пальцы рук хищно скрючились, ногти удлиннились и почернели, глаза налились кровью, верхняя губа вздернулась в зверином оскале, обнажая заострившиеся белоснежные клыки. Издав яростный рык, то, что еще недавно было графом делла Торре, одним прыжком преодолело расстояние до двери и выскочило из покоев.

На четвереньках, словно странное, страшное животное, он стремительно несся по коридорам, ведомый нюхом, безошибочно подсказывавшим, где находятся люди. Он забыл прошлую жизнь, не помнил ни привязанностей, ни вражды. Он даже не помнил лиц тех, кто когда-то был его семьей. Остались только голод... жажда... ставшие единственным смыслом существования. Сладкий запах человеческих тел, в которых текла драгоценная влага, дарившая насыщение, манил его, дразнил, приводил в неистовство. Тварь вышла на охоту.

Первой жертвой стала мадонна Ортензия. Когда существо появилось в дверях супружеской опочивальни, несчастная крепко спала. Она не успела даже вскрикнуть — острые когти впились в податливую плоть, длинные клыки вспороли шею, перервав артерию. Жадно чавкая и постанывая от нетерпения, тварь припала к ране, высасывая кровь. Спустя несколько мгновений все было кончено: оставив истерзанный труп, ночной зверь понесся дальше. Кровь немного утолила жажду, прибавила сил, но охотничий инстинкт требовал новых жертв.

Младший сын Паоло делла Торре, тринадцатилетний Лучано сумел вернуться от первого нападения и попытался убежать из своих покоев, звал на помощь, но чудовище настигло его у самых дверей. Старший сын — красавец Джачинто — успел выхватить меч и даже смог какое-то время держать неведомого врага на расстоянии. Но тварь взвилась в невозмож-

но высоком прыжке и одним ударом лапы оторвала юноше голову, подставив пасть под поток крови, упиваясь, купаясь в ней...

Зверь неся к следующим покоем, из которых до его чуткого носа доносился запах человечины. Он разбежался было, чтобы выбить дверь, но вдруг она распахнулась сама. На пороге стоял фра Никколо, в длинной белой рубахе и ночном колпаке. Он держал перед собою распятие.

— Изыди! — громко произнес священник. — Изыди, порождение Сатаны!

Тварь ответила грозным ревом и прыгнула на человека. Распятие вдруг окуталось ярким синим свечением, от которого отделилась молния и ударила в чудовище. Жалобно завывая, обессиленное существо покатилося по каменному полу. Фра Никколо, нараспев произнося слова молитвы, вновь поднял распятие. Зверь заскулил, предчувствуя скорую смерть. Слепленный, он не видел, как из темноты выступила громадная фигура. Мощный кулак ударил священника в лицо, раскровенил рот, оборвав молитву. Тяжелая рука вырвала распятие, толкнула фра Никколо обратно в покои и наложила на дверь крепкий засов. Неожиданный спаситель твари снова отступил в тень, и вскоре в коридоре раздалось гулкое эхо его удаляющихся шагов.

Медленно, с трудом, существо приходило в себя. Так и не осознав, что произошло, ползло по полу на запах людей. Одержимое одним желанием — вернуть утраченные силы — оно искало самую легкую, самую незащищенную жертву...

Маленьким близнецам Витторио и Алессандро больше не суждено было проснуться. На полу рядом с их кроватками остались лежать искалеченные трупы нянек.

Существо выло и рычало, торжествуя удачную охоту, опять чувствуя себя всесильным, бесновалось в темных коридорах дворца. Оно убивало снова и снова. Слуги и рабы, шуты и шутихи, повара и поварята, многочисленные приживалки, придворный астролог и физик мессэре Чиприано — все стали его добычей. Этой участи избежали только фра Никколо, запертый в своих покоем, — к нему зверь пойти побоялся, и Луджи с Руджеро, которые вовремя убежали и спрятались в кладовой с припасами. Подвешенные к потолку свиньи и коровьи туши издавали тяжелый мясной дух, сквозь который тварь не сумела учуять запах людей.